5 ЯНВ 1975
Северный рабочий
г. Ярославль

Академическому театру имени Ф. Г. Волкова — 225 лет

ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ

Дорогая редакция!

С большой заинтересованностью мы встречаем каждую новую премьеру театра имени Ф. Г. Волкова, следим за творчеством мастеров сцены, за ростом актерской молодежи. Мы, учителя, понимаем, какой огромной нравственной силой обладает сценическое искусство в идейном, мировоззренческом воспитании юного поколения. На страницах «Северного рабочего» мы не раз читали публикации, которые можно было бы назвать творческими портретами лучших актеров театра имени Ф. Г. Волкова. Думается, их следует продолжить, тем более сейчас, когда театр встречает 225-летие своего основания.

Много славных страниц в его истории, много выдающихся талантов украшало его сцену. Тема эта (традиции, преемственность) требует, по нашему мнению, дальнейшего разговора на страницах газеты. И есть здесь одно имя, о котором совершенно нельзя умолчать, — это народный артист СССР Григорий Акинфович Белов. Его нет среди тех, кто играет сегодня на сцене, но то, что он свершил для театра и развития культурной жизни нашего города, заслуживает самой доброй памяти. Художник огромного дарования, он живет ныне в своих многочисленных учениках. И впредь будет служить примером для творческой молодежи в искусстве.

Просьба наша: рассказать читателям «Северного рабочего», любителям театрального искусства о творчестве Г. А. Белова, отдав тем самым дань актеру и гражданину, без которого современная история театра имени Ф. Г. Волкова выглядела бы неполной.

Группа учителей ярославской средней школы № 40 имени В. И. Ленина.

ОБ ИСКУССТВЕ народного артиста СССР Григория Акинфовича Белова писали крупнейшие художники нашего времени: Александр Довженко, Всеволод Пудовкин, Сергей Герасимов, Дмитрий Шостакович. Это были его учителя, коллеги, товарищи, друзья.

Сценические и кинематографические создания Белова живут в памяти тысяч советских людей. Неистовый революционер природы, человек-факел Мичурин. Проницательнейший и сердечный сельский врач Арсеньев. Вдохновенный Римский-Корсаков. Горьковский ученый Протасов. Пламенный дипломат ленинской школы Георгий Чичерин из фильма «Москва — Генуя».

Когда Григорий Акинфович Белов все успевал?

Депутат Верховного Совета РСФСР. Член Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства. Член президиума Всероссийского театрального общества. Секретарь партийной организации театра имени Ф. Г. Волкова в течение многих лет. Депутат областного Совета. Член редакционных коллегий нескольких журналов. Нет, это не простое перечисление высоких «титулов». За всем этим была напряженная духовная работа. К нему, депутату, охотно шли на прием, он внимательно выслушивал каждого, помогал, хлопотал.

Часто бывал в поездках. Очередная киноэкспедиция. Международный кинофестиваль в Венеции. Командировка в Венгрию с делегацией работников искусств. До сих пор в его папках хранятся газетные вырезки с тщательно подчеркнутыми заголовками статей, абзацами. Интересовало все: статистика, экономика, искусство, политика.

Он словно бы и не замечал тех высоких званий, которые окружали его имя. Всегда приветливый, солнечный, как бы светящийся изнутри. Всегда напряженно работающий — никто не видел этой кропотливой, повседневной, поглощавшей его полностью, до конца работы. Белов был беспощаден к себе, взыскателен к другим.

Жизнь шагнула на десяток лет вперед — расстояние еще более показало, какой значительный, крупный художник, обращенный в будущее всем своим творчеством, жил вместе с нами.

«...Первое впечатление — в комнату вошел человек, которого никто бы не принял за актера. Он походил на провинциального врача, педагога или агронома. Он был скромен и сдержан, приветлив и тих. В его манерах не было ничего специфически актерского. Впоследствии мы убедились, что ничего специфически «актерского» не было и в характере Белова. Русский интеллигент, мягкий и вместе с тем волевой, вдумчивый, углубленный. Все в нем располагало...».

Так писал Довженко о первой встрече с Беловым. Он открыл в актере многое. Увидел скрытую — до поры — могучую напряженность духа, дерзновенность, не декларирующую себя. Высокий накал творческого горения.

И в самом деле, Белова будто бы и не касалась атмосфера той театральной среды, которая нередко накладывает на художника отпечаток броской эффектности. Сам он сумел сохранить в себе юность, искренюю изумленность художника в открытии и постижении мира, тайн природы. Именно поэтому увидел в нем Александр Довженко того Мастера, нежного и мудрого, который стал его Мичуриным

«...ПРОРАСТАЛИ травы во влажной ночной тишине. Семена бобов, злаков, овощей, луковицы лилий разбухали от весенней жизненной силы, и стебли вылезали из земли навстречу солнцу, распрямляясь, множась, обнимаясь, сплетаясь в таинственном непреодолимом движении роста...» Так видел Белов глазами довженковского Мичурина весну, ее половодье, ее расцвет. Это было пробуждение природы, жизни на земле, человека.

Была своя, неповторимая весна и у Григория Белова.

«Средь мира дольного для сердца вольного есть два пути. Взвесь силу гордую, взвесь волю твердую,—каким идти?»

Отец его был сельским учителем, потом инспектором народных училищ Череповецкого уезда Вологодской губернии. В доме любили Некрасова.

После реального училища, неуверенный в своих актерских способностях, он поехал в Петербург держать испытания на экономическое отделение политехнического института. Экзамены выдержал блестяще. И с трепетом подошел к зданию Александринки. Сколько лет мечтал он о своей встрече с прославленным русским театром!.. Знаменитый Юрьев, покоренный искренностью Белова, принял его к себе на курс. Но Белову так и не довелось учиться в театре— началась первая мировая война. Театральную школу сменила насыщенная огромными событиями школа жизни. На него надели погоны бомбардира-наводчика и зачислили в артиллерийский полк. Он помнил первые номера большевистской «Окопной правды», которую читал с однополчанами, помнил братания солдат, волны революционных митингов. Желанная весть о великих октябрьских событиях в Петрограде!.. Белов спешит к себе на родину, в Череповец. И уже через месяц, в декабре 1917 года, в местном театре состоялась премьера «Мещан» Горького. Рабочего - машиниста Нила играл Григорий Белов. «Хозяин тот, кто трудится!», «Права не дают, права берут!» — эти слова с особой силой звучали тогда со сцены, выражая смысл свершившихся общественных перемен. Бывают в жизни художника такие моменты, которые становятся как бы символическими для всего его творческого пути. Где бы с тех пор ни работал Белов, куда бы ни забрасывала его беспокойная актерская профессия, он всегда помнил весну своей жизни — первый день Октябрьской революции, встреченный на фронте, первую роль— Нила, первого и любимого на всю жизнь драматурга — Горького. Горький, Буревестник революции, стал подлинным университетом жизни молодого художника.

Волковский театр дал сценическую жизнь пьесе М. Горького «Сомов и другие». Горький писал о той части интеллигенции, которая после революции отреклась от демократических идеалов прошлого. Однако писатель видел и более широкую цель. Он бил «Сомовым» по всему фронту фашизма. Пьеса, рожденная в 1931 году, еще до прихода фашизма к власти в Германии, обличала его с гневной силой и показывала неизбежную обреченность.

Скрытая духовная жизнь Сомова давала возможность актеру прибегнуть к тонкой маске. Эту маску Сомова—внешнюю щеголеватость, самоуверенную замкнутость — Белов сохранял вплоть до решающего эпизода — разговора Сомова и его жены Лидии. Как неторопливо и размеренно развертывалась в Сомове философия «полной свободы взаимного пожирания». Сомов был непринужденным, веселым, даже приветливым, но как взвинченно все его нутро, как он внутренне загнан!.. Это был страшный, опасный враг. Враг, причисляющий себя к «племени победителей». Но это заявление Сомова встречалось зрительным залом в финале уже иронически.

Григорию Акинфовичу был дороже иной герой — человек Страны Советов, отстаивающий новую жизнь, борющийся за нее. Когда зрители видели на экране сельского врача Арсеньева в фильме Сергея Герасимова, они вспоминали другую легендарную фигуру советского кино — депутата Балтики, профессора Полежаева, хотя поэтика картин была различна. Нечто незримое, однако, объединяло эти две роли...

Когда читаешь записи Григория Акинфовича — наброски выступлений, бесед, статей, встречаешь и такие строки: «Гражданственность актера — вот флаг его, вот современность в высоком смысле, вот один из главнейших компонентов его мастерства. Каждый день жить жизнью не только своего театра или, скажем, города, жить — жизнью страны, планеты, жизнью мира, впитывать в себя время, события, людей...» Вот почему современны и Мичурин, и Арсеньев до сегодняшнего дня. Высокая гражданственность образов дает им жизнь.

В яркой галерее «личин и образов» Белова возникает множество персонажей. «Бывший» человек, капиталист Гвоздилин в «Третьей патетической» Н. Погодина, где Белов давал образ исключительной масштабности. Зрительный зал восторгался, когда на сцену выходил совсем «неожиданный» Белов — в роли тупого, ограниченного генерала Крутицкого в пьесе «На всякого мудреца...». Деревянная походка, недоверчивый, угрюмый взгляд, равномерно поднимающиеся усы рисовали образ солдафона. А одержимый Театром драматург Александр Петрович Сумароков в «Федоре Волкове»! Вот когда Белов вернулся к разговору о чародействе Театра. Это был трагикомический образ, ибо за всеми бедами и радостями повседневности на театре, за всем комическим, что было в его Сумарокове, открывалась тема трагедии человека талантливого, не понятого временем, забытого. Он страдал от лохмотьев, в которых приходилось щеголять его театру, от притеснений графа Шувалова, но меньше всего видели вы его страдание! Его Сумароков с головой уходил в театральные заботы...

НЕ ЗАМЕЧАЛ надвигающейся болезни Григорий Акинфович. Театр уехал на гастроли без него, а он продолжал работать и в больнице. Стоял конец августа... Вот-вот волковцы должны были вернуться в Ярославль.

Старая суфлерша Анна Васильевна Алябьева поднялась по крутой лестнице. Подниматься ей было трудно, и она несколько раз останавливалась, крепко держась за перила. Она чуть было не охнула, когда увидела его осунувшееся лицо. «Акинфыч!» — тихо сказала она. Подушка под ним была мокра и горяча. «Акинфыч, очнись!..» Он приоткрыл глаза и попытался приподняться.

Жена Григория Акинфовича, Екатерина Алексеевна, нашла на его рабочем столе клочок бумаги. Неровный почерк. «Рука... Дрожит... Не слушается!.. Будет ли писать?..»

Он думал о жизни. О продолжении дел.

Его записные книжки и сегодня хранят страстные размышления об искусстве. Вот строки из них:

«Я встречал многих актеров, которые считают, что общественное начало в их жизни совсем не обязательно. Даже не нужно, вот в чем беда!.. Что разговаривать где-то с кем-то о своем творчестве вредно! Такие актеры считают, что в процессе разговора они нивелируются, стираются, выдыхаются... Они уверены, что должны замкнуться в себе и не растерять то немногое, «драгоценное», что накопили за недолгие годы «службы» в театре...»

«Выверты, выкрутасы и прочие внешние искания для меня всегда были чужды... Архимодерн в музыке, оформлении, в надуманных мизансценах не будет принят большинством. Что будет увлекать и захватывать? Да то же, что и многие столетия назад. Современный человек с его судьбой, с его деянием, с его активной жизнью и желанием изменить ее, двинуть в будущее — не будем забывать о великой побудительной силе Театра!»

«Актер, художник обогащается в общении с народом. И потому ему необходимы — и встречи с собратьями по искусству, и с рабочими от станка, и с мастерами, и с колхозниками... Чаще и чаще!»

М. ВАНЯШОВА,
преподаватель Ярославского педагогического института имени К. Д. Ушинского, кандидат филологических наук.